

18+

СЕРГЕЙ РЕШЕТНЕВ

Ипатьевский лес

ПОСТАПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ
НОВОРУССКИЙ СКАЗ

Сергей Решетнев

**Ипатьевский лес.
Постапокалиптический
новорусский сказ**

«Издательские решения»

Решетнев С.

Ипатьевский лес. Постапокалиптический новорусский сказ /
С. Решетнев — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Мир рухнул, но вместе с ним рухнули и привычные нарративы. Олигархи, возомнившие себя богами; машины, обретающие душу; и таинственный лес, который не просто прячет героев, но и безжалостно перемалывает их идеологии. «Ипатьевский лес» — это философская притча, которая проверяет: является ли гуманизм искусственной конструкцией, обреченной на гибель? Текст-лабиринт, где авторский язык, игра с литературными тропами и черная сатира переплетаются в эстетику нового русского постмодерна.

© Решетнев С.

© Издательские решения

Содержание

1	8
2	9
3	12
4	14
...	15
...	16
5	20
...	21
...	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ипатьевский лес

Постапокалиптический новорусский сказ

Сергей Решетнев

© Сергей Решетнев, 2026

ISBN 978-5-0071-3461-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказ о гробжданской войне

Произведение является мрачной сатирой и антиутопией. Описываемые события и философия персонажей не отражают позицию автора и осуждаются самим нарративом.

ПРИКАЗКА

Ипатьевский лес. Неть ему конца. А в нем конец найти легко. Конный, пеший, буром-бредший. Зад кромешный. Где встал, там и сел. Где сел, там и путь. Селища от седалища отличить та ещё забавища.

Гойдранская она же гробжданская война прокатилась по тем местам катом, уланбатором прошлась. На каждую мышь вышел свой Тахтомыш, на каждый Иран свой Тамерлан.

Разуверились люди во всём. В жарко говорили холодно, в стужу молвили зной. Судьба стала перед носом тверкать, а люди язык коверкать. Чтобы, значит, неправду изгнать, а проскочит — так хотя бы поржать. Был и так язык — буерак, а теперь и вовсе стал бурелом, лишь медведю в нем жить не в лом. Был бы и у нас свой Ной, да Господь сказал: «Договор у вас не со мной». Вечер в хату для человечества, утро для беспредела. Прилипился каждый к своему олигархату.

Шел отряд не маленький, не большой, а в самый промежглаз. Уютненько шел, с ленцой. С дрона по нитке лешему папаху. Пахло весной по-осеннему. Вода могилы солнцу показывала, костями белыми глаз колола. А солнцу стыда нема, солнце ядрёный шар, без совести, без сраму, потому и всем ясное.

Мысли вились, что твоя тропа таёжная. Шел в отряде рядовой солдат. Рядовой когда-то ходил охфицером. Из бывших, но нынешних, прилипший к телу будущего как банный лист. Сиречь от веника отбил, но мокрый. Фамилия его была Ледалин, а имя Леонид.

Йодли выдавали Ипатьевские соловьи. Раны бинтовала хотьба. Хоть ба деревушка, хоть ба завалюшка. Хар чи вар. Меда бы полон рот. Тот да не тот. Охали охальники, ахали трахальники, скрежетал зубами вилколожцы. Конца краю нет. Дороги нет. Судьбы нет.

Командир сказал деревня будет, а то и село. Значит: бреди, а верь. Когда уже все уже нехорошо подглядывать стали друга на дружку: не ссидит ли крови кружку, тут и открылся уютный изгиб реки. Уютный, как живот беременной, опасный, как серп жнеца. Село Кузнецовка. Оно самое. Командира нашего, свет Елесея родина. Вел, знал, в такой дыре, ещё есть чем поживиться да над кем поглумиться.

В другой раз разговор короткий: добровольцев под ружье, непротивленцев в расход. Сопротивленцев по округе дроны рыскали, а девок, хош они и ста-руки-да-милфа-амины свозили в сарай и вызывали по одному. Страстное дело нехитрое, греховное и убойное. Но тут иногнётся иногентский коленкор: родина — хош горох, хош морква — одна огородинка.

У-чат-елей, что двойками баловались, командирово детство трампировали, расстрелять. Пуля не соловей, вылетит не с трелью. Трудовика наградить. За пятерки командиру. Наградить и расстрелять. За то расстрелять, что уши крутил, застукав за курением. А у нас испокон веков насилие над детьми не приветствуется, но практикуется. Директора, Захара Игнатьевича, — высечь! Допустил до экземы экзаменов. Дал сдать и отправил в жизнь. Не был падла падлой. А посему: посечь, но не прутьями, али кнутом гамсурманным, но саблями. А сабель нет — граблями.

Но заковыворка выковалась — помер директор. Как помер? Тады: откопать и высечь. Долго искали Захара захоррор-захароно-харононение. Не чтят у нас учителей, ох не чтят. Но нашли, раскидали мрамор и мухоморы. Нехристи, бусурмане небесные. Глянь, а на дне могилы записка на медной бумаге на китайский манер выдавленная: «Хрен вам, а не глумление над прахом моим, тупые вы неучи» и подпись в виде непричинного места.

Оказалось, директор провидец, знал, падла, что захотят над ним посмертные экзекуции произвести, неблагодарные неучи, потому приказал развеять свой прах по кузнецовским покосам. Делать не хрена, приказал Елесея сечь покосы. Народ на луга выгнали, пошла забава. Хлопцы тут себе девок и присмотрели. Ходют, усы крутят, на рожах улыбки, зубы черные, речи уборные.

Мужики местные, молились бы, что не расстрелянные, а то косят глазами, злятся. Вот-вот с серпами, граблями бросются на гостей. Елесея остановил сечение директорова праха. Собрал мужиков и парней, и молвил: поймите, односельчане, вы мне родня, то есть, считай, однополчане. Так сроднимся покрепкому, не запалимся. Выбирай, селяне себе нахатника из моего войска, а мало двух. Бери и веди к себе, пои, корми и спать клади промеж себя и жен, сестер, дочерей. Так миром и порешим. Будем все утром одна сатана, как коза ностра или ракета. Но нет, обманул Елисей, орду свою разместил по домам, а хрен мужикам, заперли в амбаре. Всех до одного. Да и сколько было их. Айн, цвай и нихт-франкен-штейн.

Проснулся утром Ледалин, а войска его и нет. Ушло войско. Обрюхатело девок и жен и ушло. А чего же рядового охфицера забыли?

А вот забыли, потому как в глумлении не участвовал. А у нас кто не глумлив — считай пропащий человек. Без абыюза нет союза. Кто не буллит и не пьет, тот в канаве смерть найдет. Потому как спал один в палатке на окраине, у костерка мухоморами питался. Привели его сельчане связанного, спрашивают: «Юродивый ты, али подученный? Такой спор про тебя прошел». «Подученный я, — говорит, — гнилой анти-легендный охфицер, гнида либеральная и прочая антипатия. Затесался в отряд Елисея рядовым, потому как пропащий человек, который один по Ипатьевскому лесу пойдет».

«А чего тебе девки наши не по нраву?» — любопытствовали уже храбрые кузнецовцы. «Жене моей, — отвечает, — Балерине Батмановне, верен». Достал фото из нагрудного карману, удостоверил. Подивились кузнецовцы диковинному дикарю — рядовому охфицеру. Повели его перед расстрелом всему селу показать.

Охфицер не против, только говорит: «Не учли вы сельчане, что окромя Елисея, помимо глумящегося войска по вашим домам пройдет еще немало махновцев. Погибель ваша от них может случиться в неприятный айнмомент». Засмеялись было сельчане, думали охфицер перед расстрелом глумится. Но тут дрон над толпой пролетел и гранату в середь ея скинул. «Ховайся», — крикнул офицер. Все рассыпались. Портки мокрые, но живехоньки. Вера в офицеровы слова у сельчан сразу укрепились. Развязали, поставили переговорщиком. «Не обидим, коли спасёшь от супостатов постатых и дроновозов патлатых».

Пошел офицер в чисто поле и стал ждать. Прилетает к нему дрон. Думает дроновод, стоит ли тратить драгоценный припас на охфицера. А охфицер говорит дрону: «Я свой, не узнал чай? Дроноводы, миленькие, чо вам эта война? Многих положите и позлите. Но лес Ипатьевский сельчане кузнецовские лучше вас знают, найдут и замечат, засаблят, застрелят.

А, коли побежите, в болоте утопните, али звери вас дикие погромсают, да и жрать вам нечего. Айда в село, будем новый союз мастерить с кузнецовцами. И щи, и каша сегодня у вас перед носом будут. А то и самогон».

Улетел дрон. Потянулись патлатые дроноводы, три колдыря: Алеша, Илья, да Злыдень. Субтильные и кислые. Приняли их сельчане, накормили. «Чаво это, — спрашивают, — вы с Елисеем не ушли? Девки наши понравились?» «Мы девок ваших не трогали, мы стражу держали, пост постили. А с Елисеем не пошли — надоело. Злой атаман. Нашим субтильным душам не по душе». Заступили на дежурство патлатые. Проследили куда Елисей ушел — в Сальвадорские дали, в глубь Ипатьевского леса». Но и вестового отправили по дороге назад, чтобы рассказал дружанам Елисея о манне небесной — богатой деревне Кузнецовке, в которой еще есть чем поживиться. Запечалились сельчане, запричитали. «Рано, — сказал рядовой охфицер, — не плачьте, пример с директора Захара Игнатьевича берите, и с того света глумиться можно, коли бог умом на обделил. Можете, конечно, сдаться, но я видел, вы не из таких. Так укрепитесь и вдумайтесь, как дорого-богато в мир иной отойти, чтоб и там черти от вас шарахались». Присмотрелись к рядовому охфицеру кузнецовцы: «А ты командуй, мы исполним... Не оставь родимый». Собственно, это была присказка, а сказка впереди. Или не по нраву вам и пора прикрыть хлебало, да на полать спать?

1

Прежде, чем отправить гостя почивать призвал его на разговор руководитель местной общины — Кронштадт Юргеньевич.

В молельной избе, что посреди села срублена ждал охфицера молодой ешчо старец. Стены просторной молельни были свежими, пихтовый запах стоял такой, что хотелось плакать и целоваться. Но сам старец выглядел солидно, что уже ино возникало в груди: покаяться и тут же принять смерть.

— Хрена ли тебе лысого надо в наших краях? — зашел суровый общинник.

— Жгуче везде. Везде горит, а тут ешчо сыро. Но ветер суховей и сюды задувать начнет, не очухаетесь.

— Се мы ведаем. Ты-то что за фрукт и прозываешься как?

— Многие лета, отче, бегаю от дронов, стоптал кеды до черных дыр, а сингулярности не видать. Зови как хош, имя контузией выбило. Последнее погоняло Ледокол, а фамилия Ледалин, потому как подобрали меня почти вмерзшим в прорубь. Прежние мои командиры требовали пенькоды затратных карт моего взвода, который весь в гробжданской войне сгинул. Пенькоды я не сдал, потому как не было уже никаких затратных карт, а жалованье получали мы в зубных золотых коронках врагов наших. И где зарыты были те коронки — поди сведай, взвод-то пал как трава под палом. Отряд Елисея меня подобрал. Уж больно им форма моя приглянулась, но я еще живой оказался. Влили полтитра самогона, дали винтовку и сказали — шагай, и я зашагал, так хотьбой и вылечился.

— Складно мелешь, Ледалин. Имя только тебе изменим. Поскольку ты один из своего отряда и будешь теперь почти у нас как второй царь звать тебя теперича Леонид.

— Спасибо за новое крещение, отец. Я гляжу у вас тут сектантство?

— Для кого сектантство, а для нас самая настоящее истинное учение спасения цивилизации. Слово о Тайном боге, слышал?

— Разве не всякий бог — тайна?

— Для кого и Ярило бог. Мы же верим, что у бога скрыты и имя, и знания о нем. Только во внешних проявлениях можно узреть его письмена. Историей и речётся слово божье, и более ничем.

— Как же можно такому богу служить, молиться, ежели вы ни имени его, ни ритуалов не знаете? Как оправляете обряды свои?

— А как хотим, так и оправляем. Как кто хочет, так и молится. Кто трудом, кто словом, кто молчанием и порчей воздуха. Потому как считаем мы, что вся нынешняя суета и опослялипсис, случились именно из-за разности наречения бога и противоречий в ритуалах. Разъединяло это людишек, а мы кучкуем. Ибо, когда все признают, что не знают, что такое бог — что это тайна великая — никто о нём и не спорит до усрачки с применением тяжких телесных. Ибо: о тайне что не скажешь — всё правда и все неправда. Так чего глотки рвать?

— Мудро.

— А то.

— Ладно, уж вечерняя дойка прошла. По твоему совету дежурство и патрули выставлены. Пора и отдохнуть. Определили тебя к Лександре, по прозвищу Мирабелла. Женщина, хоть и строгая, но одинокая. Авось приживется. Ну, а нет, так она тебя приберёт или ты ее, дело божье, тут нянек нет.

— Оружие дадите?

— Незачем. Коли ты теперь командир, должен так командовать, чтобы пули не в тебя летели, а во врагов наших. А с утра будет твоя задача выяснить, куда отряд Елисея ушел и будет ли нам от них новья суета.

2

Сельчанин, что вел Леонида Ледалина к избе Лександры, зыркал на офицера с некоторой амбивалетностью: не то — как на шестерку, не то — как на короля, а еще с жалостью и презрением, насмешкой и уважением. Всё было во взгляде этого паренька.

— Я навроде к вам помощником приставлен. Как к вам обращаться-то?

— Ваше благородие, — пошутил Леонид.

Парень серьезно кивнул.

— А я Петя, Петр. Ежели что, я вот тут в дровянике буду.

— Так пойдем в хату.

— Не, больно страшная эта ваша Мирабелла. Знаете почему ее так прозвали? Потому что иногда она Мира, а иногда она Белла. Понимаете?

— Нет, не понимаю.

— Мира — мирная, значит, а белла... «Свис пацан у паре с беллой», что в переводе с древнего «хочешь войны — готовься». Так вот «белла» война и есть. Доперли, ваше благородие?

— Лучше зови меня Леонид Спартакович.

— Хорошо, Леони, э... Партакович.

У самого дальнего участка, на крыльце их встречала фемина корабельных кондиций, оснащенная такой здоровой прелестью женских черт, что Ледалин невольно отвел глаза, как от яркого солнца. Но радужка обожглась и перед глазами маячило навязчивое темное, волнующее пятно, куда бы он теперь ни смотрел.

— Вот вам постоялец, Лександра. Наш командир теперича. Прошу любить и жаловать, — застенчиво, но стараясь быть строгим, разъяснил Петя.

— Мне и одной неплохо.

— Это не разговор, Лександра, это приказ Кронштадта Юргенича.

— Не жалко вам командира, — усмехнулась надменно, но обаятельно шурясь, вдова, мерцающая Мирром, то Беллой.

— Всех жалко, командиров особенно... Много избранных, мало душевных. Леонид Парторгович к вам определен, значит, есть резон, и нечего тут разводить. Ясно?

— Ясно. А ты, Петя, зайдешь? Чайку?

— Нет, я в дровянике. Мне, если можно самовару отдельно.

Ледалин долго вытирал ноги у порога, уж больно блестел пол в избе. Хотел снять армейские ботинки, да испугался газовой атаки. Лександра-Мирабелла усмехнулась, подала в открытое окно самовар Пете, и сказала:

— Эй, казак, стопи баню своему командиру.

Ледалин наклонил голову, крикнул, понял окончательно, что раскушен от макушки до самых глубин души. Не утаить ему ничего от этой слепящей женщины. Ещё подумал: «Как вообще может быть счастлива такая солнцеродящая женщина, ежели она всего мужчину своим магниторезонансным умом зрит?»

— Да я и счастлива-то не была с мужчинами, разве с мужем своим, Окропим Евгением... Еще до войны.

«Ведьма», — определил Ледалин.

На стене сурово смотрел на Леонида мужчина кавказоковатой наружности с бородой на подбородке и двумя бородками вместо бровей. Уловила Мирабелла взгляд гостя.

— Муж, анжинер. Изменил мне со смертью храбрых.

— Как это?

— Пал в сырую землю.

Давно не едал таких балыков, салыца, соленых и квашеных, перченых и копченых блюд рядовой охфицер Ледалин. Опасался крепко за свою дорогу вниз, за свой поджелудочно кишечный тракт. Могли выйти неприятности, потому и ел деликатно, спасибо ехидные взгляды хозяйки помогали сдерживаться.

— Да вы не бойтесь, ешьте, не отравлено, — подзадоривала Лександра. Удобства у нас удобные дворянско-дворовые. От рулад только куры да коровы покраснеют. И травить мне вас не резон, лишние хлопоты, сами до утра не доживете...

Поперхнулся охфицер. Крепким кулаком вдарила Черная вдова Леониду промеж лопаток и кусок, вставший поперек горла, проскочил к истинному пути.

— Отчего же отказываете мне, любезная хозяйка, в возможности увидеть рассвет?

— А вас не предупредили? Ну хитер Кронштадт Юргенич. Не сказал вам кто я? Черная вдова. И дом мой на отшибе. И все мужики, которые у меня ночевали, до утра не доживали. Без исключения. Хотите спросить, почему меня не сожгли как ведьму? Так я-то тут причем? И камеры ставили и баб приводили для того, чтобы смотрели в оба: а все одно гибли мужики и всё. Правда разными способами, но ведь вам без разницы какую смерть принять?

— Правда ваша... Значит, решил меня ваш Юргенич испытать. Что я, значит, за командир такой, против дроноводов устоял, устою ли против нечистой силы?

Лександра придвинулась к Ледалину и горячо шепнула в ухо, хоть их и так никто не слышал:

— Хотите, выведу вас к лесу, пока Петя не видит? Уйдете по-тихому, но живым.

Один раз приподнялась кохточка с басочкой на реповидных сказочных грудях Лександры в ожидании ответа гостя, второй, третий... Как рюмка самогоном, наполнился взгляд хозяйки грустью.

— Смотрите, смотрите, Леонид... э... Патрокович?

— Спартакovich.

— Ничего, перед смертью можно посмотреть... С меня не убудет. Только вот трогать не вздумайте, убью раньше смерти вашей.

Леонид поднял глаза и с трудом выдержал взгляд Миры ли Беллы ли.

— А прилечь у вас тут, где можно с дороги?

— Что ж вы спать будет? А как же бежать-оборону держать?

— Ну, если смерть сама за мной придет, чего за ней бегать, суету наводить? Это надыхаться перед смертью нельзя, а выспаться — всегда пожалуйста.

— В баню-то пойдете?

— В баню, можно.

— Не угорите там.

«Показалось или нет? — подумал Ледалин, будто в голосе ведьмы плеснулась надежда, будто рыба в озере.

Он встал, хозяйка преградила ему путь и подала чистые мужские вещи.

— От мужа маво осталось, не побрезгуйте.

— Лександра, спасибо за хлеб за боль. Ежели угорю, али баня взорвется, не серчайте, зла не держите. Который год воюю. Жены не видел мильон лет. Может, и сгинула уже, а уж меня погибшим раза три точно считали, так что не знаю... А вы образцовый так сказать феминмен, или феминувмен. или феминамина, как вам угодно.

— Оставьте, у нас тут запросто, и говорят как хотят.

— В общем, пялюсь я на вас, и готов заглотив, как хариус мошку, потому как естество так устроено. Но как тварь разумная, я своих собак надрессировал, и смотрю на мир хоть и без ханжества, но и без украшательства. Понравились вы мне, но я вас не трону. Да даже если бы и не понравились, не тронул. То есть дело не в том, понравились или нет... хотя это важно... но

не сейчас... убить могу, а чести лишить — не мое. За этим к другим мастерам обращайтесь. Простите коса на язык нашла, давно так много не объяснялся.

— Идите уже в баню, — как-то больно радостно, почти кокетливо сказала Лександра, — даст бог смерть шадит юродивых.

3

Баня была не далеко, не близко. Но усадьбу Лександры накрыл плотный туман. Будто сопки-великаны выпустили сквозь ноздри-пещеры аэрозоль от гигантского вейпа. Доски тротуара уходили в сторону.

— Да ну ее, эту баню в баню, — бросил Петя.

— Боишься? — посочувствовал Ледалин.

— Ага, ссусь аж, — Петя шагнул в туман, — я фигура противоречивая Леонид Астапович.

В крылечный столб вошла стрела. Муха не успела взлететь, Петр уже прижимал Леонида к земле.

— Спокойно, командир, в тепловизор нас секут. Ай, не обманывают про Черную вдову. Шо делать будем? В дом вертаемся?

— Стыдно как-то... Пришли умирать, а от смерти драпаем.

Леонид подтянул упавшую шайку, взял ее, как щит и пошел по тротуару. Петр схватил свой тазик и встал с другой стороны от Леонида. Одна стрела пробила жестяной таз, другая вошла в деревянную шайку. Последняя стрела зло поцеловала дверь бани.

— Не парьтесь душой, командир, обратно умереть еще успеем, а теперь будем телом париться.

Смыли грязь, как кровь с новорожденных младенцев. Поддали парку, будто прибыло в полку. Вроде и немного, а пришла подмога. Вши спеклись и паукам сдались.

Глянули в запотевшее окно, а оттуда морда.

— Волк?

— Алабай.

— Как в избу возвращаться будем?

— Да и дверь заколочена.

— И трубу, гады, сверху тряпкой заткнули. Угорим.

Снаружи раздались два удара топором. Дверь распахнула Лександра.

— Стыд-то прикройте.

— Хозяюшка, у вас там пес по двору бегают, здоровенный, — пожаловался Петя.

— Отродясь у меня псов не было. Вы в следующий раз баню изнутри запирайте, а не снаружи.

— Там еще стрела в двери была... — удивился Петя, оглядывая дверь, в которой уже никакой стрелы не было, — Вот, — радостно сказал он, — трещинка, тут она была! И в крыльце у вас. Да вот у нас в шайке, посмотрите...

Лександра посмотрела на стрелу в шайке.

— Шалит кто-то. Отравленная наверно.

Петя сразу выронил шайку со стрелой на пол.

— Ну, вы помылись? А то избу запирать пора. Оба в доме будете, или как?

Петя замялся:

— Да чего уж, надо за командиром присмотреть.... А у вас еще трубу кто-то сверху заткнул, может полыхнуть...

Лександра ловко приставила невесть откуда взявшуюся лестницу к крыше бани. Взобралась, подбирая подол и приобнажая точеную голень. Пошерудила в трубе длинным дрыном, дождалась снопа искр и спустилась. Рукава и лицо были в полосах сажи.

— Ну вот, теперь и самой придется мыться. А вы идите в дом. Я скоро.

Ледалин задумался и как-то преодолел неловкость:

— Может вас посторожить снаружи?

— Опять двадцать пять. Голой бабы хошь? Ну так попробуй заломай, — с вызовом сказала Мирабелла.

— Ну что вы такое говорите...

— Идите в дом, защитники...

Доски тротуара были положены на обезвреженные противотанковые мины, по краям серых досок торчали одуванчики.

— Странно, — сказал Ледалин, — весна осенняя, а одуванчики... не поздно ли, не рановато?

Леонид наклонился сорвать белое пушистое. Хотел дунуть.

— Стойте! Нельзя дуть! — Петр выкатил глаза, аккуратно перехватил стебель из пальцев Ледалина. Это же февральские одуванчики. Их нельзя трогать!

— Почему?

— Плохо будет. Очень. Про мертвых десантников слышали? У нас недалеко еще деревня была Горихвостово. Там один умелец дунул, да так, что больше той деревни никто и не видел.

Петя осторожно, как гранату, поднес стебель одуванчика к тому месту, где тот был сорван, стебель сразу прирос, как ни в чем не бывало.

— Такая вот хрень.

Они шли и шли, и уже тротуар закончился, а крыльца Лександрова дома все не было. Неожиданно выросла из тумана опушка леса. И мужик с цепью. Глаза добрые, как у учителя.

— Заблудились? — спросил мужик.

— Да нет, вас искали, — ответил что-то смекнувший Леонид.

— А я тут собачку потерял, не видали? А вот она! — Из тумана вышел задумчивый алабай, тихо потрусил к хозяину. -Бабсквиртвиль, малыш, ты что же пугаешь папу, домой пора.

— А мы думали, чья это псина в окна заглядывает, — сказал повеселевший Петр.

— Странное имя для собаки, — как бы ни к кому не обращаясь молвил Леонид.

— А это скороговорка, чтобы тренировать технику речи. Учительская привычка, знаете ли...

— А вы не стрельбу из лука преподаете? — спросил Леонид. — Пальцы у вас характерные, грубоватые подушечки трёх пальцев и кисть держите так, будто тетиву...

— А, на гитаре играю... «Подушечки пальцев», ну и лексикон у вас, довоенный... А вы, собственно, кто?

— Командир вашей деревни с сегодняшнего дня Леонид Спартакович Ледалин. А вы кто?

— А я никто уже давно. Пенсионер, отшельник. Бывший директор школы местной. Захар Игнатьевич Колун. Я не в деревне живу, в лесу, в охотничьей избушке. Милости прошу. А вы, позвольте спросить, у Лександры остановились?

— Кронштадт Юргеньевич определил... А это помощник мой, Петр, Петя...

— А-а-а, помощник... не местный тоже, а то я местных всех знаю.

— Я из Горихвостовки...

— А-а-а, хорошее село... было... Так, вот Леонид Спартакович, не имеете ли вы matrimониальных планов на хозяйку вашего постоя, Лександру?

— Верен я жене своей Балерине Батмановне. Лександра особа видная, но не мой резон.

— Ну что ж, хорошо, считайте вы второй раз сегодня родились... Идите прямо по тропе, выйдете к дому...

Колун растворился в тумане со своим песиком.

— А не тот ли это директор, — заговорил почему-то шепотом Петр, — который умер, и которого Елесе́й искал?

4

Примчался вестовой от патлатого дроновода Ильи.

Две новости: обе три через запятую четырнадцать. Во-первых, найден отряд Елисея. Вернее то, что от него осталось. Дрон посланный по следу ранним утром наткнулся на мёртвые тела в Поросёнковом логоу. Весь отряд лежал. Видать сопротивлялись, бой вели. Только вот противников никого, одни только Елисеевцы. И тела погрызены, будто животные напали.

— Это не животные, — сказал Петя.

Дрон приблизил изображение, обглоданное лицо Елисея. Голубой глаз, отражающий небо, а близь сорванные одуванчики.

— Это мертвый десант! Не надо рвать февральские одуванчики!

— Слышал я эту байку, — поморщился Кронштадт. — Будто мертвые едят живых. Да думаю, брехня.

Петя обиделся. Но вторая новость затмила гибель отряда Елисея.

Идет ордама куды не надо, сиречь на нас. А у нас из оружий только сглаз. По той же дороге топали ноги, и ног не меньше двухсот. Да две вездеходные машины с пушками на маленьких башенках. Да еще штабная «Степанида» с дронами. Шли голодные и злые. Позади еще тащился обоз: телеги с бензином, дизелем и походной кухней. Дорога была одна, через Кузнецовку вглубь Ипатьевского леса. Только их заметил Кузнецовский дрон, кузнецовского дрона заметил дрон пришельцев. Ордама стала.

Засеки кузнецовцы сделали знатные, но это только выдавало в них топорных дел мастеров, но никаких бойцов.

Выкатили поддельные пушки и деревянный БТР. Ордадцы призадумались круче. У Кузнецовцев свой совет в Филях. В молельной избе Кронштадт Юргеньевич напротив Леонида Ледалина сцепились взглядами как два экскаватора ковшом, кто кого пережует.

— Нельзя против кучи дронов, да двух вездеходов с пушками воевать с четырьмя автоматами...

— Ты командир, ты должен придумать как нам устоять, — клокотал Кронштадт.

В отдалении послышались хлопки, автоматная очередь, все прислушались, помолчали, но скоро все стихло. Дроновод Алеша оторвался от экрана:

— Ну все, наши макеты в щепки. Теперь они в курсе, что все нарисовано.

— А ты чего такой спокойный, командир? А не заодно ли ты с ними? — Кронштадт снова накинута на Ледалина.

— Был бы я сними заодно, то ты бы лежал сейчас в канаве, а я бы с гостями самогон глушил.

— Ну дак докажи, что ты охфицер, что делать-то?

— Сдаваться надо, — холодно сказал Леонид.

Кронштадт выпучил зенки.

— Операция «Юдифь». Соберите-ка всех женщин.

...

И опять, твою мать, вышел Ледалин на передок, ждет, где пуля, а в кобуре дуля.

Тут как тут дрон.

— Сдаемся, — говорит Леонид дрону. — Только одно условие — оставить всех в живых.

Вышел с той стороны веселый хлопец, без рук, без ног, весь протезный, да глаз железный.

— Да больно ваши жизни кому нужны. Нам бы поспать, пожрать, девок ваших поиметь, да дальше пошкандыляем. Но ежили по чесноку, я табе так скажу — никто за ваши жизни и сухаря обсраного не даст. Но командир наш, Колигарх Михалвыч, справедлив до невоготы, будет по этикету, не превратит в котлету, не ссы.

...

Через час сдачи Кунемцовки половина ормадской сотни была пьяна. Дроноводов Илью, Алешу и Злыдня обстригли налысо. Злыдня, который более всех нарывался, сломали ребро и нос. Девки и жен ловили по дворам и шупали нещадно.

Сунулись двое во двор к Лександре. Только со двора так воняло, а дом покрыт был кровидной плесенью, а над воротами светился неестественным светом знак «радиационная опасность», да табличка гласила: «Ящуромогильник. Не рыть, не крыть», что они как-то обошли его.

Бронированные вездеходы поставили с двух выездов из села, штабная «Степанида» свалила забор у молельни, уперлась в старую яблоню. Из люка машины вырос, как гриб после дождя Колигарх Михалыч.

Стальной паренек отпер перед ним дверь в молельню. Второй раз уже за два дня допрашивали Ледалина в этом доме. По кругу повторял офицер историю, как примкнул к Елесеевой ватаге, как стал командиром в Куземцовке.

Вошел в молельню Колигарх. Молодой еще мужчина. С кудрявым чубом да усами а-ля Мелихов. Смотрит буром, улыбается халвой.

— Кончай допросы, доставай видосы. Айда на речку: шашлычок развяжет язычок.

Развязали Ледалина, прошли по селу. Повсюду визг, тиск и первобыт. Заметил Колигарх косой взгляд на это дело Леонида.

— Понимаю, служивый, с твоей колокольни выглядит как безобразие. Так ты загляни с другого ракурсу: можа, все это и к лучшему: разрядка дает агрессии выход, значит, больше будет живых, да и факт деторождения прибавь. Глядишь, вообще, от этого непотребства в плюс выйдем. Да и жёнки существа бесподобные: шо у их в чугушках варится — поди похлебай. Можа, им вся эта брутальность по самому естеству приходится, можа, все эти крики, ада причитания, амбивалетные, и в ужасе и отвращении этом — вровень с удовольствием и тайным желанием, а?!

Кузнема текла так тихо, что казалось тоже что-то задумала. На берегу на хрустящей, выгоревшей на солнце траве, расставлен весь набор. Дымок от мангала защищал глаза. Солнце, болезненно краснея, погружало себя в густые ели. Плескалась рыба, закипал на углях походный чайник. Из надувной платки выскочил ординарец с механическими ногами, в каждой руке по бутылке, поклонился приближающемуся Колигарху и метнулся к раскладному столу. А там смазливый малосолёный огурец молча завидовал источающему пар гуляшу. По краям прибрежного луга бродили как потерянные охранники с уныло опущенными к земле дулами. Все отмахивались от комаров, мошки и мыслей о том, что сейчас происходит в деревне.

— Прошу к нашему столу. Да не бойтесь, не отравлено, — любезничал Колигарх.

И можно было подумать, что приятели выбрались на природу после душного офиса из города в начале двадцать первого века, пригубили слегка и теперь наслаждаются приятной беседой, а впереди у них еще пару недель отпуска и все их пугающие разговоры лишь пустые умствования и мнимость. Вспомнилось что-то такое Ледалину и понял Леонид, что когда-то у него были друзья, и он был веселым человеком.

— Вот вы говорите, что всё это антигуманно, не по-человечески, безумие и прочая дребедень. А я вам возражу, любезный Леонид Спартакович. Что есть гуманность? Что есть человечность? И что безумие? Вся наша природа, эволюция, да что там, и история говорит, что основа человека: стремление выжить, любой ценой продолжить род и получить как можно больше власти над другими, природой и собой. И сейчас то время, когда маски глупой цивилизации сняты, ложные идеи равенства, мнимого милосердия и пустого героизма сброшены...

— Мнимого милосердия? — уцепился за слово Леонид, в целом почти безразлично воспринимая речь Колигарха.

— Да, мнимого милосердия. Это когда спасаешь сирых и убогих. Когда любое насилие человека над человеком стыдно и грешно. А ведь это не так. Истинное милосердие — следовать зову природы. И насилие это основа его. Насильно мы овладеваем тем, что нам любо. Заявляем права собственности на землю, оружие и женщин. Берем что можем взять и сколько можем. Максимально распыляем свой геном, оставляем след в вечности. И рождаемся мы насильно, врываясь в мир. И воспитываем мы насильно, меняя естественное поведение под свои нужды...

— Нет ли тут противоречия...

— Нет, тут противоречия нет. Вы про то, что следовать инстинктам, и тут же устанавливать воспитанием какие-то правила? Ну да, правила нужны, они для своих, когда появляются свои. Потому как со своими вы больше сила, нежели если ты один сам по себе. Но в отношении не своих, надо следовать инстинкту и насилию, нарушая правила.

— Как же вы решаете, кто свой, кто чужой?

— Симпатией, велением сердца. Вот вы мне глубоко приглянулись, потому и хочу, чтобы в дальнейшем мы сблизились. Я уверен, наша встреча к взаимной пользе.

— Вот как? Но, чтобы стать на одну сторону нужно обоюдное желание. Как же вы решили убедить меня быть с вами? Насиловать и убивая кузнецовцев?

— К их же вящей пользе. Слабый умрет, а значит, продолжится только сильный, и в этом польза для будущих людей. Изнасилует тоже только сильный. Да и сама изнасилованная избавится наконец от иллюзий и начнет жить настоящей жизнью. Уйдут розовые мечты и останется крепкая жизненная основа: служить своему насильнику и наслаждаться своим унижением. Ибо что такое унижение? Уни-версальное женство! Вот что это такое. Ничто-жество — торжество ничто, самоотречение, служение будущему и эволюции. Это предназначение женщины, бабья карма. А сказки о прекрасном принце, любви, возвышенности женского начала — суггестивное сумасшествие извращенной культуры последних мирных лет. Наведенная порча феминизма, сглаз гуманности, бред старых сивых кобыл для юных сивых кобыл.

— Вот оно как? Так вам и гробжданская война мать родна?

— А как же? Именно война и освободила нас от глупых масок цивилизации, густого бреда гуманности, налипшего на мозги и лица людей от самого ренессансу. Именно война позволила воспроизвести философский камень подлинности, вернуться к первобытной силе и правоте. Так что мы не варвары, мы новый порядок. Третий Крым, так сказать и четвертому не бывать! Что-то вы ничего не едите?

— Аппетита нет. Да и заслушался.

— Иронизируете? Ну-ка, Прохор, приведи-ка сюда дроноводов пленных...

Железноногий метнулся куда-то по тропе.

— Ну не хотите есть, кофе давайте выпьем. Сейчас я вас удивлю. Я ведь был когда-то в довоенное время баристой. И звали мен Колей. И верил я тоже во всякое такое спасительно-ласкательное. Типа красота, доброта и ум всех наградают, дадут всего и сразу, без ипотеки и поступления моралью. Но ведь вы сами чувствуете в душе, что это морок и сныть.

— Сныть?

— Ну да. Такая трава ползучая, неистребимый сорняк, волшебная травка типа способствующая аскетизму, духовному подъему, а на деле пустота, ничтожество подножное. Очень созвучно со словом «сныть», не находите? Вся эта философия гуманизма и человеческих ценностей — это же сплошное нытьё. Там лучшая часть «Каждый имеет право», а потом скукоптица и неправда. Потому что не каждый имеет право, а тот, кто может взять это право, тот его и имеет. Лишь тот достоин жить как олигарх, кто живет как олигарх! Гоу в наши ряды, дорогой Леонид Спартакович! Вот и кофе подоспел. Вы конфет сосательный над костром подержите на длинной ложечке, а потом в кофе опустите, вот вам будет вкус!

Вдруг этот запах кофе, паривший над старой коровьей лепехой, над комариным писком, над шуршанием камыша, над криком дикой птицы, очумевшей от красоты затянувшегося вечера, так склеил всю реальность вокруг в картинку невероятной силы и пронзительности, что перехватило дух. Нестерпимо захотелось хлебнуть. И Ледалин сделал глоток.

Колигарх широко улыбнулся.

— Ну, как? Чувствуете? Так и с миром будет. Погодите, перенастроим души человеческие на естественный лад и пойдет плясать губерния!

До этого Леонида бесила самоуверенность этого молодого атамана, а теперь ему вдруг захотелось говорить. И удержаться не было сил.

— Чего же вы не стали строить свое новое общество за пределами Ипатьевского леса? Зачем было лезть в такую глухомань?

— Теперь вижу заинтересовало вас наше движение! Это хороший признак, может, и правда, споемся! Отвечу вам, хоть это и есть военная тайна. Есть олигарх и покруче меня — Чургунов. Наверняка слышали. Черный Гунн. Мы так, его коллаборация. Так вот, прознал откеда-то вошть Чургун, что бродит в Ипатьевском лесу один человек-не человек. Тонкого настрою, особый мутант взрощенный на ГМО в подземных лабораториях. Мутант этот знает, как повернуть время вспять. Да еще и так, чтобы туда перенести Чургуна с сотоварищами и с сохранением памяти обо всем, заметьте, чтобы они там, в прошлом, шороху навели...

У Леонида аж в горле пересохло.

— Чтобы войну предотвратить?

Колигарх замешкался.

— Да ну! Войну предотвратить? Кому это надо? Нет, хочет он в СССР вернуться, захватить там власть, и ввести нашу правильную идеологию, типа: весь мир насильем мы разрушим до сновиденья, а за тем, мы на насилье мир построим и самый сильный станет всем.

— Однако же это все новая мифология. Нельзя повернуть время вспять... Да и не бывает таких мутантов.

— Чургун, однако, глупостями не занимается. У него сейчас густой замес с олигархом Белугиным, Белым Гунном. А тут еще Красный Борщ на пятки наступает, к лесу подбирается. И не стал бы он такую силу, как наша, на бесполезное дело выделять. Знает, он что-то достоинно.

— Как же вы определите сего мутанта? Может, вы его нечаянно расстреляете по пути?

— В том-то и дело, что его не убьешь. Он же, мутант этот, когда чувствует, что ему хана, произвольно перемещается в прошлое к тому моменту, когда еще что-то можно поменять, и выживает, падла!

— Ну тогда его тем более не определишь.

— Есть признаки. Говорят, мутант этот очень склонен к гуманизму, так типа нейросетями в лабораториях воспитан, чтобы людям не навредить. Вот мы всех гуманитариев и соберем по Ипатьевскому лесу, притащим к Чергуну, а он пусть разбирается. Пошарим, на манер грибников. И обязательно свой боровик отыщем. Потому мы, кстати, и не порешили всю вашу Кузнецовку одним махом, хотя могли бы. Просеять надо было сельцо на предмет полезных грибочков.

— И много вы таких пленных насобирали?

— Да ты, дорогой, первый.

Ледалин хотел открыть рот, но голова помутнела, он словно окаменел. Хотя он и не потерял сознание, как-то стало не хорошо. Со стороны деревни показался конвой с пленными дрововодами.

— Сымайте портки! — скомандовал Колигарх.

Дрововодам сняли штаны и насильно поставили на карачки.

— Итак, момент истины, Леонид Спартакович. Мы всегда насилуем пленных. Это хорошая скрепа для коллектива. Все как одна семья. Унижение и удовольствие бетонируют нашу крепость. И вот, Леонид Спартакович, ваш выход. С нами вы или против нас? Решайтесь. Вам на выбор, кого предпочитаете?

— Мне не хорошо, пошевелиться не могу, — с трудом выговорил Ледалин.

— А, это мы сейчас исправим, — улыбнулся Колигарх, подскочил к столу, взял в руки небольшой планшет. — Вот, в руках у меня, дорогой Леонид Спартакович, чудесный прибор, под названием менталофон. Управляет он роем прекрасных, но для глаза человеческого невидимых нанороботов, которые через чудесный наш кофе проникли уже в вашу кровь, а главное — в мозг. И вы теперь обездвижены именно потому, что с помощью этого приборчика и управлять можно нанороботами, а они, соответственно будет управлять вашим телом. Жаль не мыслями. Но над этим мы работаем, и приборчик назвали с запасом, наперед, так сказать.

Колигарх поколдовал пальцами над экраном планшета и Ледалин почувствовал, как неведомая сила, державшая его мышцы, отпускает.

— Ну вот, вы снова свободны и дееспособны. Приступайте и не стесняйтесь, здесь теперь все свои. Да и вообще, что такое стеснение — чушь! Нечего нам тесниться, мы свободны, мы едины с этим миром, а в мире нет безобразного и неестественного. Берите, и вы навечно с нами. Мы с вами такие теперь горы свернем, Леонид Спартакович!

Ледалину даже противно было что-то говорить. Он просто показал Колигарху неприличный когда-то жест. Колигарх только рассмеялся в ответ.

— Но вы же понимаете, Леонид Спартакович, что вы это точно сделаете! Так не лучше ли добровольно, своим ходом, так сказать...

5

Фима трижды была замужем. Первый муж сгинул, когда усаживали горцев. Фиму утешил брат первого мужа. Фима рада была остаться в семье, да и дети были для нового отца, дяди родными всё же. Но началась новая операция. И второй муж Фимы ушел и пропал. Слегла и свекровь от потери сыновей. Но детей как-то надо было поднимать. Смотрела Фима на мир сквозь слезы, но тащила свой тяжелый крест на котором сидели трое оглоедов, двое от первого мужа, а третий от второго. Сквозь этот слезный мир увидела Фима абсолютно побелевшую голову свекра Никодима. И смотрел свекр на мир глазами ее мужей. И пришла Фима к Никодиму и так у нее появился третий муж. Мало кто знал об этом на селе. А кто и знал слова недоброго не сказал, потому как кого Фиме еще держаться, за кем закрепиться? А Никодиму от горя своего чем закрыться?

И надо же, ввалились в хату Фимы и Никодима два брата Сармат и Каремат. Детей заперли на чердаке. Старика послали в баню. И честно сказали братья, что сейчас сделают с Фимой. Другие бы наделали глупостей, но не такие были Фима и Никодим. Прикинулся Никодим туповатым, слезливым стариком. Мол, пожалейте невестушку, мать моих внучат. Ваша, мол, стремление понятно. Что ж, на то воля военная, армейская. Перечит не могём. Но только и вы проявите уважение, отведайте первейшего самогона на калине. И я с вами попробую, чтобы не боялись отравы. А после самогона и надругательства не так обидны, вроде как анастасия при удалении зубов. Сармат и Каремат по приколу вошли в положение. У самих где-то жены пошаливали с какой-нибудь ордой проходящей. Понимание наступило. Не рассчитали только, упились. Обнажили только Фимкину грудь и легли. «Я сам», — сказал Никодим и отправил жену на чердак к детям. Остался со спящими один на один. Подумал: «Смогу ли?» И ответил себе: «Не себя беречь надо».

...

Муж Раисы ушел сразу после свадьбы. И, подлец, не оставил даже ребенка. Храброе его сердце было зарыто в одну землю вместе с трусами, которые оставили позиции, когда один раисин муж пытался их удержать. И пошла Раиса со всеми проходящими солдатами, да холостыми парнями догуливать недогугленное. И ее тоже никто не осуждал. Потому и не бежала она из Кузнецовки, осталась с селом в трупную минуту. И когда во двор к ней вошел молодой, красивый и злой Капитон, утомила она его злость, как могла, напилась его красоты, закрыла глаза его молодости, и когда уснул насильник, поднесла серп к его взмыленной шее и резко, всем телом надавила сверху, вошло лезвие в кадык, как месяц в облако, мягко. Вот и всё, вот и не больно.

...

Виолетта изменила мужу, когда тот был на фронте. Муж вернулся и крепко наказал Вету. Стала она хромать и левый глаз почти не открывался. А муж снова подписал контракт и сгинул где-то, а может, и не сгинул, а нашел себе вдову повернее, да не покалечену.

Зашел к Виолетте хмурый Капитон, покривился: «Не, командир, определи меня в другую хату на постой, у этой больно рожа противная, видать бог ее не любит, и я не люблю».

Потом зашли Сармат и Каремат. Сармат плюнул, а Каремат ударил Вету по правому глазу. Антиресно ему было, будет ли теперь баба похожа на бурятку, симметризуется ли ее перекошенное лицо. Но правый глаз Виолетты заплыл, и лицо не выпрямилось, а перекосилось теперь в другую сторону. Так что, когда пришел третий воин, Квазария, пожилой покалеченный, не разглядела его Вета. Просто легла и раздвинула ноги, чтобы не больно было и поскорее все закончилось. А Квазария упал рядом и захрапел. Видать и ему кривую бабу не очень-то и хотелось. Достала Вета самый большой нож в доме, и долго примеривалась, как учил Ледалин «бейте прямо в шею и не жалеите, постарайтесь проткнуть с первого раза». Но было уже темно, поэтому решила она ткнуть старую, воняющую, побрезгавшую ею тушу прямо в глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.